

Я БЛАГОДАРЮ...

Прежде всего я благодарю детей, которые оказали мне высокую честь и доверие, согласившись заниматься со мной психоанализом. Они открыли мне уже забытые и недоступные моему воображению миры. Они обогатили мои чувства, воображение и культуру. И это помогает мне теперь в моей врачебной практике. Дети вновь пробудили мой интерес к профессии, которую я считала уже вполне освоенной. Я благодарю также их родителей, которые разрешили мне рассказать вам о наших общих приключениях.

Я выражаю признательность персоналу детских яслей Поль-Маншон д'Антони за оказанное мне доверие. Мне хочется, чтобы участвовавшие в лечебных курсах нянечки знали, как высоко я оценила их скромное участие, их компетентность.

Я благодарю психоаналитиков, которые постоянно посещали мои консультации и поддерживали меня в трудные минуты.

Дружескую и действенную помощь при организации моих консультаций мне оказала также Марианна Ано. Надеюсь, Люсьен Кох почувствует в этой книге влияние своих блистательных лекций и в особенности семинара на тему «Теория кода».

Я благодарю моих первых читателей: М.К., А. и СМ., Ф.Г., ФМ.,Х.Х. иА.Т., которые помогли мне своими замечаниями в процессе работы над книгой.

Особая благодарность — Жинетт Реймбо, которая вдохновила меня взяться за эту книгу и благожелательно, но твердо добивалась отменя ее завершения.

К.Э.

Моим четверым сыновьям

С ЧЕГО ВСЕ НАЧАЛОСЬ

Когда я занимаюсь психоанализом, то должен сохранять живую реакцию, быть в отличной форме, не терять нить разговора. Я должен быть естественным и правдивым.
Д.В.Винникот

Однажды моя подруга – психиатр звонит мне, чтобы сообщить о своем уходе из детских яслей Антони¹. Она знает, что там ищут психоаналитика, который согласился бы консультировать их малышей в возрасте до трех лет. Может ли она меня порекомендовать?

Все, что я слышала об этих яслях, так это только то, что они предназначены для детей, которых направляет туда Служба социальной помощи детям. Но все новое вызывает у меня любопытство, и я даю согласие, чтобы меня порекомендовали, хотя никогда не работала с грудными детьми.

¹ Речь идет об учреждении для детей-сирот; детей, имеющих родителей, но временно помещаемых в ясли; детей, чьи родители лишены родительских прав. (Прим. перев.)

Вскоре сотрудницы яслей договариваются со мной о встрече. И ко мне приезжает психиатр (Мартина Прискер), психологи (Фанни Беккуш и Доменик Лавернь) и главная надзирательница яслей. Я была готова к обычному и естественному в данном случае разговору. Однако мне устраивают строжайший экзамен по... психоанализу. Несколько секунд я думаю, как мне поступить: может, выставить их за дверь? Но в конце концов решаю: что ж, раз это экзамен, я должна его выдержать. Экзамен довольно трудный, потому что я его не ожидала. К тому же его ведут в агрессивном тоне. Но мне совсем не трудно оставаться самой собой, то есть профессионалом.

Дамы засыпают меня вопросами, чтобы уяснить мою позицию как психоаналитика, и в частности – детского психоаналитика. Мне несложно понять их требование, которое полностью совпадает с моим: психоаналитик, работающий с детьми любого возраста, ничем не отличается от психоаналитика, пользующего взрослых.

Если психоаналитик имеет дело с совсем крошечными детьми, которые попадали под опеку служб социальной помощи вследствие семейных и социальных драм и проявляют симптомы соматических и психических расстройств, врач ни в коем случае не должен нарушать следующих правил: психоаналитик никогда не вмешивается в реальную жизнь и в юридические решения, которые принимают соответствующие учреждения в отношении ребенка. Врач не имеет

права видаться с ребенком вне лечебных сеансов и в местах его временного проживания.

С другой стороны, персонал яслей, направляющий ребенка на лечение к психоаналитику, не должен спрашивать у него «советы» по воспитанию ребенка.

Роль психоаналитика – не соболеznовать, не утешать, не исправлять, а помочь выявить и символизировать, то есть обозначить причину страдания. Психоаналитик не может изменить прошлого и не должен стараться в реальном смысле модифицировать будущее.

Я подробно рассказываю своим гостям о моей практике, потому что до сих пор никогда не работала с малышами, которых опекают службы социальной помощи. Но их явно заинтересовал мой опыт работы с детьми, страдающими тяжелыми заболеваниями – я пятнадцать лет проработала в госпитале «Больные дети», в отделениях эндокринологии и желудочных заболеваний. Атмосфера понемногу смягчается. Я понимаю, что эти дамы встречались до меня с другими психоаналитиками, которые старались потрясти их сверхважным тоном и душераздирающими случаями из своей практики. Мы расстаемся почти друзьями, хотя они ничего мне не обещают. Дамы говорят, что должны подумать и, возможно, еще позвонят мне...

Их экзамен и недоверие так обидели и утомили меня, что я ругаю себя за то, что со всей откровенностью рассказала им о том, что могу и что не могу.

В ту пору я часто встречалась с Франсуазой Дольто². Я тут же рассказала ей об этом неприятном и неожиданном для меня разговоре и узнала, что она уже с 1973 года консультирует детей, которые воспитываются в этих яслях. Уйдя на пенсию, она сотрудничает теперь – совместно с организацией «Мезон верт» – только с этими яслями. Она проводит свои консультации по утрам, каждую пятницу, в госпитале Труссо, на улице Кужа. На эти сеансы приходят и другие психоаналитики. По приглашению Франсуазы Дольто, я тоже начинаю их посещать.

Так как сотрудницы яслей после второй, уже более благожелательной, встречи со мной начали направлять мне на прием своих питомцев, эти последние два года жизни Франсуазы Дольто (она скончалась 8 июля 1988 года) я регулярно посещала ее консультации. Ей хотелось, чтобы ее консультации служили практикой для детских психоаналитиков. Но она заботилась не только о подготовке будущих психоаналитиков, которым предстоит работать с малышами. Она приглашала и опытных врачей (особенно мужчин!), пользующих взрослых людей, стараясь научить их лучше понимать и распознавать, что у взрослого

² Франсуаза Дольто (1908-1988) – известный французский психоаналитик, представительница Парижской школы фрейдизма, автор многочисленных трудов по психоанализу. На русский язык переведены ее книги «На стороне ребенка» и «На стороне подростка». «XXI век», Санкт-Петербург и «Аграф», Москва. (Прим. перев.)

человека идет от ребенка и выявляется во время психоанализа.

Врачи платили за участие в этих сеансах, а средства шли на оплату детского лечения, так что обществу эти консультации обходились даром!

Я была очень рада возможности посещать эти сеансы. Согласившись принимать детей из яслей, с которыми, как я узнала, уже работала Франсуаза Дольто, я понимала, какая ответственность легла на мои плечи. Но меня очень радовала мысль, что рядом со мной – Франсуаза Дольто.

Что же происходило по утрам, каждую пятницу, на улице Кужа? Нас, врачей, собиралось около десяти. Мы рассаживались вокруг Франсуазы Дольто, находясь в поле зрения ребенка, так что за спиной у ребенка никого не было. Дети сменяли друг друга почти непрерывно, с девяти тридцати утра до часа дня. В редких случаях на консультациях присутствовали и родители. Это были не единичные клинические презентации. Мы наблюдали, как дети на наших глазах проходили полный курс лечения – сеанс за сеансом, неделю за неделей.

Работа Франсуазы Дольто и ее комментарии собственных действий производили, вероятно, впечатление, сходное с тем, какое выносил Зигмунд Фрейд после клинических презентаций доктора Шарко (при всей разномасштабности этих фигур): «Мозг насыщен так же, как после вечернего театрального спектакля».

То, что я объясняла для себя гениальной интуицией, Ф-Дольто определяла совсем иначе. Она могла в любой момент пояснить, почему она произнесла те или иные слова – их диктовали ей ее познания, культурный багаж и воображение, опыт работы с детьми, врачебный опыт и богатая практика психоаналитика, вступающие во взаимодействие с тем материалом, который ей представлял ребенок.

Франсуаза Дольто говорила нам: «Вы все поддерживаете меня, так как я очень волнуюсь».

Я не очень-то верила ей до того дня, пока однажды не увидела ее вконец растерявшейся перед маленькой девочкой, которая все сеансы подряд каталась по полу и кричала, чтобы выразить свою боль. Франсуаза Дольто искала наши взгляды, наши лица и, возможно, жаждала услышать от нас слова поддержки.

По ее мнению, такие публичные консультации способствуют скорейшей эволюции в состоянии детей, которых привозили к ней всего раз в неделю. Она говорила: «Присутствие публики освобождает индивидуальные отношения с психоаналитиком от эротизации».

В ту пору я недопонимала значения, которое она придавала нашему присутствию, как и ее слова: «Если психоаналитик – настоящий профессионал, то его личность – вторична». Теперь я понимаю, что ошибалась. Сейчас, по прошествии времени и уже в отсутствие Франсуазы Дольто, я думаю, что там, на

улице Кужа, перед нами происходил не театральный спектакль и она вовсе не старалась держать нас на дистанции. Мы были непосредственными участниками каждого сеанса и эффективными проводниками между ребенком и врачом. Поскольку дети сидели рядом с нами, они обращались иногда к кому-то из нас со словами или жестом и мы отвечали им. Отдельные фразы Франсуаза Дольто адресовала только нам, но в присутствии ребенка, то есть передавала их ему через нас. Благодаря нашему непосредственному участию, публичные консультации Франсуаза Дольто давали нам гораздо больше, чем она сама могла предположить. Мы не просто присутствовали, слушали и смотрели – дети или Франсуаза Дольто вовлекала нас в процесс психоанализа. Сохранять пассивность было невозможно, мы должны были чувствовать и размышлять. Это, естественно, ускоряло процесс лечения. Но даже когда психоаналитик работает один на один с пациентом, курс оказывает очень быстрое воздействие.

Франсуаза Дольто предпочитала заниматься детьми, потому что они не подозревали об ее известности – в отличие от присутствующих врачей и сотрудников ясель. Все мы прекрасно сознавали, кто находится перед нами, независимо оттого, преклонялись мы перед ее авторитетом или нет, каждый из нас втайне надеялся приобщиться к ее «секретам».

Все два года, что я посещала ее консультации и одновременно принимала детей из яслей, я все же полагала, что присутствую на них лишь в качестве «свидетеля». И только после смерти Франсуазы Дольто, когда коллеги-психоаналитики стали приходить на мои собственные консультации, я поняла, как важно для меня их участие в моей работе.

Вот так Франсуаза Дольто представляла нас перед началом сеанса: «Эти дамы и господа – психоаналитики, как и я. И они пришли сюда, чтобы учиться». Лишь однажды мать какого-то ребенка отказалась говорить в нашем присутствии. Мы уже собрались уходить, но тут она заметила коробку, в которую мы складывали деньги за свое участие в сеансах. Узнав, что таким образом мы оплачиваем не только свое участие, но и лечение детей, она позволила нам остаться:

«Ну, раз они за это заплатили...»

Независимо от возраста ребенка, Франсуаза Дольто начинала каждый сеанс с традиционного вопроса: «Что ты расскажешь мне сегодня?» или «Что нового у тебя дома?» Казалось, она оставляла почти без внимания сообщения о повседневных событиях, реальной жизни, если только нянечка или ребенок не рассказывали нечто такое, что могло пробудить прошлое, прояснить причины болезненных симптомов, которые наблюдались у ребенка. Сообщения детей о себе не отличались разнообразием. Ребенок говорил, что у него есть цветные карандаши, бумага, пластилин,

цепочка, деревянная палочка, нож для масла, бутылочка с соской, свисток, ножницы. Франсуаза Дольто держала в сумке бритвенное лезвие или перочинный ножичек и сама затачивала карандаши для детей – до тех пор, пока ребенок не начинал с гордостью демонстрировать, что он сам научился это делать, не рискуя при этом обрезать себе пальцы.

Сопровождавшая ребенка воспитательница или нянечка также могла присутствовать во время этого разговора. Это были молоденькие девушки или женщины, которые перед началом сеанса рассказывали о состоянии ребенка, болезненных симптомах, проявлявшихся в промежуток между сеансами, и событиями, повлиявшими на жизнь ребенка (визит или телефонный звонок родителей, принятое в эти дни юридическое решение). В случаях, когда психическое или физическое состояние ребенка (например, его неспособность сидеть) не позволяло ему оставаться без сопровождающих, нянечка не покидала его во время всего сеанса и, при необходимости, отвечала на обращенный к ней вопрос или, наблюдая за поведением ребенка, вспоминала что-то, упущенное ею во время сообщения, сделанного перед началом сеанса. По поводу болезненных симптомов, замеченных у ребенка, этих девушек никогда специально не расспрашивали и уж тем более не возвращались к этой теме дважды.

Франсуаза Дольто придавала большое значение присутствию этих нянюшек – ведь совсем маленький ребенок еще даже не знает, что такое «мама». Хорошо знакомый ребенку человек, воплощающий для него настоящее или прошлое, является гарантом «базисного образа» и символическим защитником его телесной целостности. Даже если ребенок иногда без особого сожаления соглашается расстаться со своей нянечкой, он не забывает о ней. Был случай, когда трехлетний малыш, который уже знал, что такое мать и что такое женщина, с огромной неохотой согласился предстать перед нами без своей молоденькой нянюшки, потому что, покинув ее в обществе Паскаля (привлекательного молодого человека, который встречал детей у входа и провожал на консультацию), он воображал, что в его отсутствие они будут непременно целоваться!

В 1988 году у Франсуазы Дольто внезапно начались нарушения в дыхательной системе. Теперь она не расставалась с кислородным аппаратом, с которым ее соединяли специальные «очки для носа» (как она их называла). Но несмотря на слабость и недомогания, она со всем жаром души работала до самого лета. Однако мы знали, что психоаналитических консультаций на улице Кужа больше уже не будет.

ГЛАВА 1

У МЛАДЕНЦЕВ СВОЙ ЯЗЫК

Первые шаги жизни – все равно что первые шаги в шахматной партии. Они предопределяют развитие и стиль каждой партии. И пока вам еще не угрожают мат и окончательный проигрыш, у вас есть все возможности сыграть красивую партию.

Анна Фрейд

Слово – настоящий языковой дар, а язык по природе своей материален.

Жак Лакан

Грудные дети, попадающие под покровительство Службы социальной помощи детям³, пережили по-

³ Существует два вида яслей. Первые носят больничный характер, в которых содержат детей до трех лет и обеспечивают им необходимый медицинский уход, который невозможно обеспечить в домашних условиях. И есть ясли, выполняющие социальную функцию и предназначенные для детей, которые не могут оставаться в семье, но по каким-либо причинам не могут быть усыновлены приемными родителями. В книге пойдет речь о второй категории яслей. (Прим. автора)

трясение – разрыв родственных связей, что в их возрасте вызывает функциональные нарушения. Таким способом они говорят нам о том, что они переживают.

Этот естественный или «органический язык», как удачно окрестил его Дени Васе (автор книги «Пупок и голос»), не является речью в прямом смысле слова. Но живой организм можно слушать точно так же, как слушают слова, произносимые психоаналитиком, или как разгадывают детские рисунки. Это язык подсознания, в котором концентрируется имеющийся у человека опыт. Слушание грудного ребенка пробуждает все чувства психоаналитика и заставляет их резонировать в тишине его внутреннего «я». Такое пробуждение и включение всех чувств должно предшествовать любому суждению, но оно не должно препятствовать работе воображения. Только раскрепощенное воображение позволяет перевести на обычный язык поначалу непонятные сигналы, услышанные врачом (то же самое происходит и на первых занятиях психоаналитика со взрослыми, или когда стараются разгадать детский рисунок или рассказанный сон). Когда услышанное мною я перевожу на язык обычных слов, я называю их «субтитрами». Как и в кино, они передают общий смысл, но богатство языка при этом утрачивается, что несколько раздражает тех, кто хорошо владеет иностранными языками. И все-таки субтитры пред-

почтительнее дубляжа, полностью заменяющего язык оригинала, который любят слушать, даже не понимая его значения.

Психоанализ позволяет прежде всего рассказать, выразить словами самому младенцу происхождение переживаемого им разрыва, ту невысказанную и затаенную боль, которая поначалу проявляется лишь в болезненных симптомах. Говоря с ребенком, вы обращаетесь к нему как к субъекту и предлагаете ему примириться со своим телом. Вы не утешаете его, не пытаетесь залатать образовавшийся разрыв, вы лишь выявляете и обозначаете причины его страдания, воскрешая его короткую жизненную историю, чтобы ребенок осознал себя, свою идентичность, свое происхождение, свои корни и свои возможности как субъекта. Поэтому во время лечебного сеанса ни в коем случае не следует касаться ребенка. Нужно лишь разговаривать с ним.

Оливье, который не хочет дышать

Впервые я увидела Оливье, когда ему было два с половиной месяца. Его привезли ко мне воспитательница из социальной службы и сиделка из яслей.

Я представляюсь: «Меня зовут Каролин Эльячефф, я – психоаналитик. Тебя привезли ко мне по просьбе твоих яслей, чтобы мы все вместе разобрались, что у тебя не в порядке».

Воспитательница, в присутствии Оливье, рассказывает его историю.

Оливье попал в ясли, когда ему было всего двенадцать дней. Его мать, беременная уже в несчетный раз, решает родить анонимно, под буквой «Х»⁴. Она заранее оповещает Службу социальной помощи детям, что не сможет воспитать еще одного ребенка и желает, чтобы у него было лучшее будущее, чем она может ему обеспечить.

Когда подходит срок родов, она не успевает добраться до родильного дома и рождает прямо в машине «скорой помощи». Перед тем как навсегда разлучить мать с младенцем, ей его показывают. Через сутки она покидает роддом, так как с трудом выносит плач чужих младенцев, но по телефону ежедневно справляется о состоянии своего сына. Когда Оливье прибывает в ясли на трехмесячный срок, в ожидании, когда его сможет усыновить приемная семья, мать приходит к сотруднице социальной службы, чтобы высказать свои пожелания относительно будущих приемных родителей для своего сына. Об отце Оливье известно

⁴ Статья №47 Семейного кодекса и социальной помощи предоставляет право каждой женщине рожать анонимно, чтобы сохранить тайну рождения. Этот закон называется «Роды Х», так как в досье ребенка вместо имени ставится буква «Х». В течение трех месяцев биологические родители имеют право отказаться от первоначального решения и признать своего ребенка. По истечении этого срока ребенок переходит под полную опеку государства и может быть усыновлен приемными родителями. (Прим. автора)

лишь, что он является также отцом всех остальных детей в этой семье.

Первые пять недель своей жизни Оливье чувствовал себя очень хорошо.

Но сейчас его физическое состояние внезапно ухудшилось – это и является поводом для консультации: его лицо и голова покрылись корками и струпьями, из-за бронхита он тяжело дышит, с шумом вдыхая и выдыхая воздух, но температуры у него нет.

Я смотрю на Оливье, а он смотрит на меня. Состояние у него и в самом деле плачевное: кожа покрыта сыпью, дыхание очень затрудненное и он начинает плакать. Оливье плачет, а воспитательница рассказывает, что его мать очень понравилась персоналу роддома, а затем и яслей, и все думали (желали?), что она изменит свое решение и не откажется от ребенка. Все так думали, хотя и не говорили об этом вслух.

Во время очередной медицинской летучки сиделки стали обсуждать этот вопрос и сожалели, что, видимо, ошиблись. Сразу же после этой летучки Оливье и заболел, хотя не присутствовал на ней.

Я молча слушаю этот рассказ, делаю записи, смотрю на Оливье, а он смотрит на меня и плачет. Когда рассказ о его короткой жизни подходит к концу, он перестает плакать и я говорю ему:

— У тебя очень хорошая и мужественная мать, она знает, что не сможет тебя воспитать, как ей хотелось бы, и она приняла решение, которое считает хорошим

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно
в интернет-магазине «Электронный универс»
(e-Univers.ru)